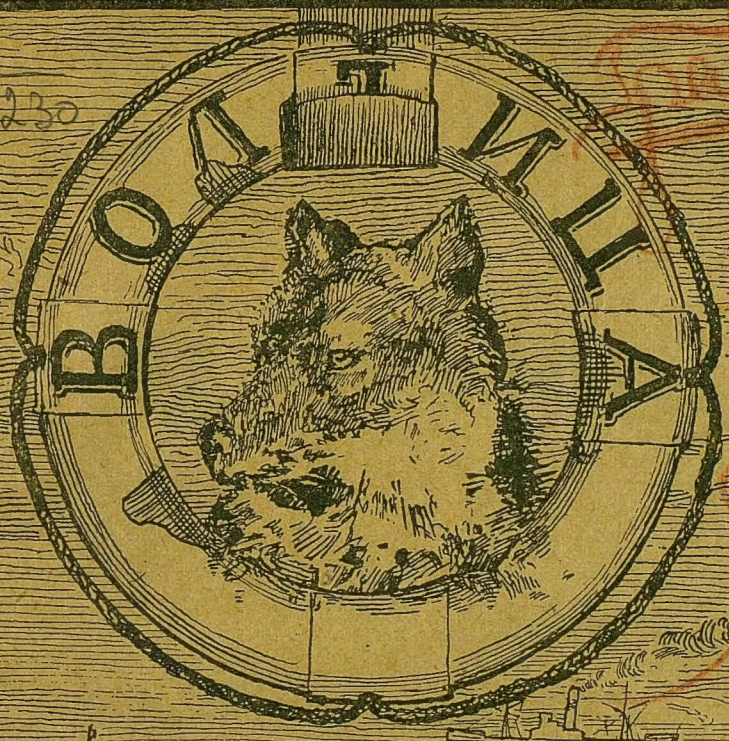
11/230

II 230



ЛЕЙТЕНАНТЪ ВѢДИ.

НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКѢ ВЪ 1916 ГОДУ.

II
230

На подводной лодкѣ въ 1916 году.

Лейтенантъ **ВѢДИ.**

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1917.

Печатано по распоряженію Морского Генеральнаго Штаба.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1299839

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подводный флотъ, выступившій впервые въ борьбѣ на морѣ въ теченіе текущей міровой войны, зарекомендовалъ себя съ самой лучшей стороны—наибольшее количество потерь понесено обѣими сторонами благодаря дѣйствіямъ подводныхъ лодокъ.

Главная сила подводной лодки—это невидимость, а слѣдовательно и внезапность ея дѣйствій. Къ ней предъявляются тѣ-же требованія, что и къ надводному кораблю: быстроходность, возможно большій раіонъ плаванія, боевое вооруженіе, а сверхъ этого и способность въ любой моментъ быстро погружаться. Это-то послѣднее ея свойство, производство боевыхъ операцій въ подводномъ состояніи, и является ея характернымъ отличіемъ, ярко выраженнымъ какъ во внѣшнемъ ея видѣ, такъ и въ ея тактикѣ.

Выявившіяся за военное время функціи лодокъ настолько сложны и разнообразны, что давать объясненіе крайне трудно,—этому мѣшаетъ и военное время, а отчасти и самъ предметъ, плохо поддающійся популяризаціи. Поэтому, предоставляя самимъ читателямъ дѣлать выводы изъ приводимыхъ ниже «впечатлѣній» плаванія на лодкѣ, я ограничусь здѣсь лишь краткимъ описаніемъ самой лодки.

Основная форма корпуса лодки схожа съ сигарой, на которой имѣются надѣлки, въ видѣ рубки, артиллеріи, мачтъ и т. д. Для уменьшенія сопротивленія воды, когда лодка идетъ подъ поверхностью, ея корпусу приданы размѣры съ большимъ преобладаніемъ длины, что и дало поводъ нѣкоторые типы назвать «игольчатыми». Корпусъ лодки дѣлается гораздо прочнѣе чѣмъ таковой-же надводнаго корабля. Помимо того,

что для обшивки скелета лодки употребляются болѣе толстые стальные листы и связи, она еще испытывается на давленіе, которое соотвѣтствовало-бы глубинѣ 150 футъ, т. е. 75 фунтамъ—давленію парового котла.

Тоннажъ (вѣсъ воды, вытѣсняемой лодкой) лодокъ, достигавшій 10—12 лѣтъ тому назадъ всего 100 тоннъ, съ предъявленіемъ большихъ новыхъ требованій къ подводному флоту, сильно увеличился и доходитъ до 2 000 тоннъ. Такимъ образомъ названіе «лодка» имѣетъ лишь историческое значеніе.

Судя по настоящему, въ недалекомъ будущемъ можно ожидать постройки цѣлыхъ подводныхъ крейсеровъ съ большимъ раіономъ плаванія и съ могучими средствами нападенія (*).

Что касается внутренняго устройства лодки, то, можно сказать, что вся она заполнена механизмами послѣдняго слова техники. Для надводнаго хода, достигающаго до 16—20 узл. (до 35 верстъ въ часъ), установлены моторы внутренняго сгоранія, сотни аккумуляторовъ обслуживаютъ мощные электромоторы, служащіе для передвиженія лодки подъ водой, гдѣ скорость меньше надводной и достигаетъ максимумъ 12 узловъ (21 версты въ часъ).

Различныя электропомпы служатъ для наполненія и осушенія систернъ водяного баласта, который изъ надводнаго корабля дѣлаетъ лодку подводнымъ. Для той-же цѣли, при необходимости принять энергичныя мѣры, на лодкѣ употребляется сжатый воздухъ, хранимый въ особыхъ баллонахъ: въ нѣсколько секундъ онъ можетъ освободить лодку отъ всего ея водяного баласта.

Какъ уже оговорено выше, къ лодкѣ предъявляются требованія какъ къ надводному, такъ и подводному кораблю. Въ соотвѣтствіи съ этимъ лодка можетъ находиться въ полномъ надводномъ положеніи и боевомъ, соотвѣтствующемъ подводному положенію.

При послѣднемъ положеніи лодка уходитъ подъ воду вся, и отъ нея торчитъ, возвышаясь фута на 3 надъ поверхностью, только перископъ.

(*) Есть свѣдѣнія, правда еще непровѣренныя, что величина новыхъ океанскихъ лодокъ Германіи достигаетъ 3—5 тыс. тоннъ.

Перископъ представляетъ изъ себя массивную металлическую трубу, внутри которой расположена система отражательныхъ призмъ. Помощію этого приспособленія лодка, сама находясь подъ водой, можетъ свободно наблюдать горизонтъ по всѣмъ направленіямъ; для свободнаго пользованія этимъ приборомъ нуженъ нѣкоторый опытъ. Черезъ перископъ видно только днемъ. Ночью же лодка при подводномъ положеніи слѣпа, но иногда можетъ успѣшно дѣйствовать, благодаря своей незамѣтности, и въ надводномъ положеніи.

Подъ водой лодка можетъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не израсходуется вся электрическая энергія, даваемая аккумуляторами; этотъ же срокъ зависитъ вполнѣ отъ скорости хода и можетъ продолжаться до тѣхъ поръ пока человѣческія легкія не поглотятъ всего кислорода воздуха, что наступаетъ черезъ 25 — 30 часовъ. Приборы, освѣжающіе воздухъ, въ виду ихъ несовершенства, мало употребительны.

Есть еще одно, третье положеніе лодки: полуподводное или, какъ его еще называютъ, «позиціонное».

Оно, въ сущности говоря, соотвѣтствуетъ надводному, съ той только разницей, что въ позиціонномъ положеніи лодка имѣетъ нѣкоторыя систерны заполненными водянымъ балластомъ. Это положеніе, позволяя идти подъ моторами внутренняго сгоранія, сберегаетъ электрическую энергію, расходуемую при подводномъ ходѣ, и какъ указываетъ и само названіе, примѣняется на позиціяхъ, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно ожидать встрѣчи съ непріятелемъ. Въ такомъ случаѣ полупогруженная лодка представляетъ изъ себя величину меньшей видимости, и, въ случаѣ внезапной опасности, можетъ скорѣе скрыться подъ воду.

Вооруженіе лодки состоитъ изъ минныхъ аппаратовъ и пушекъ; число первыхъ достигаетъ 10—12, вторыхъ обыкновенно не больше двухъ. Въ послѣднее время появились и подводные заградители, съ успѣхомъ ставящіе мины заграждения на путяхъ непріятеля.

Мина Уайтхеда, какъ оружіе дорогое, употребляется противъ военныхъ и большихъ коммерческихъ кораблей. Для

расправы-же съ небольшими парусными судами, въ числѣ которыхъ преобладаютъ деревянныя, вполнѣ достаточно пушечныхъ снарядовъ.

Съ увеличеніемъ размѣровъ лодки наблюдается расширеніе ея задачъ, и теперь путешествіе отъ береговъ Европы въ Америку никого не поражаетъ. Лодка становится теперь настолько совершенной, что современный ея типъ представляетъ уже автономный корабль, снабженный всѣмъ для безбѣднаго плаванія въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Въ заключеніе надо сказать, что лодка существо капризное, хрупкое и требуетъ къ себѣ любовнаго отношенія; плавать на ней могутъ только очень здоровые люди.

В.

НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКѢ ВЪ 1916 ГОДУ.

(Впечатлѣнія участника).

1. На днѣ.

Послѣдній привѣтъ товарищей, добрыя пожеланія Командующаго флотомъ, и мы выходимъ для слѣдованія въ дальній путь, въ чужія воды.

«Волчица», такъ звали нашу подводную лодку, выходитъ на добычу. Что-то ожидаетъ ее, открывающую въ этомъ году боевой сезонъ?

Бросивъ послѣдній взглядъ на скрывающійся портъ, мы какъ-бы вступаемъ въ міръ иныхъ переживаній. Все береговое отлетѣло. Весело стучали машины и радостно отзывались въ нашемъ сердцѣ. Каждый оборотъ винта приближалъ насъ къ желанной и долго жданной цѣли.

Пройдя полпути, чтобы передохнуть, мы рѣшили на ночь «прилечь» на грунтъ и въ теченіе 3—4 часовъ спокойно поспать. Это самый лучшій способъ для отдыха, т. к. всѣ, кромѣ двухъ—трехъ человѣкъ, остающихся дежурными и наблюдающими за «жильемъ», ложатся и засыпаютъ безъ ежеминутно-ожидаемой тревоги.

Дѣлается это очень просто.

Лодка отыскиваетъ подходящую глубину и, остановившись, задраиваетъ люкъ, всѣ отверстія, черезъ которыя могла бы влиться вода, и начинаетъ понемногу заполнять систерны.

Въ этотъ моментъ на лодкѣ все затихаетъ, каждый слѣдитъ—не сочится ли гдѣ вода, и только раздается голосъ человѣка, стоящаго у точнаго, способнаго показывать до четверти фута, глубомѣра.

Вотъ мы дошли до предѣльной нагрузки, когда лишніе пять фунтовъ способны сдвинуть лодку, и сначала медленно,

а потомъ все быстрѣе и быстрѣе заставить ее идти книзу на дно. Этотъ моментъ надо уловить и тотчасъ же пріостановить пріемъ водяного баласта.

Глубомѣръ тронулся, и лодка начинаетъ медленно погружаться.

«30, 40, 50, ... 70 футъ!» выкрикиваетъ голосъ.

«72, остановился!»

Мягкое прикосновеніе къ грунту, и вы на днѣ, въ полной безопасности отъ вражескихъ посягательствъ. Слѣды скрыты, въ лодкѣ наступаетъ могильная тишина, не слышно звука ударовъ волны о бортъ, и лишь изрѣдка корпусъ лодки, какъ хорошая мембрана, передаетъ шумъ винта, гдѣ-то неподалеко проходящаго парохода.

Днемъ, вмѣстѣ съ глубиной мѣняется и свѣтъ, пробивающійся сквозь слой воды и попадающій въ лодку черезъ иллюминаторы рубки. Сперва онъ веселый, желто-зеленаго цвѣта, темнѣющій отъ набѣгающей волны; затѣмъ онъ сгущается до изумруднаго, потомъ лишь едва чувствуется, и футахъ на 100—120 въ нашихъ водахъ наступаетъ сплошная темнота. Зачастую, идя на глубинѣ 20 футъ, я свободно могъ писать, пользуясь внѣшнимъ свѣтомъ.

Когда мы легли на грунтъ, то, усѣвшись за столъ, въ ярко освѣщенной электрическимъ свѣтомъ каютъ-компаніи, завели граммофонъ и принялись за чаепитіе. Предстоящая операція насъ волновала и, несмотря на теченіе драгоцѣнныхъ часовъ отдыха, долго никто не ложился спать.

Мы были наканунѣ событій, и наше состояніе духа я уподобилъ-бы состоянію ученика передъ выпускнымъ экзаменомъ. И жутко, и весело!

Еще бы! — мы первые въ этомъ году отправляемся доказать нѣмцамъ, что имъ придется считаться съ русскими лодками. Что-то будетъ? Вмѣстѣ съ бравымъ и опытнымъ командиромъ, мы новички (а такихъ было нѣсколько среди офицеровъ) всячески обсуждали предстоящія возможности и поучались у него различнымъ указаніямъ. Дѣло слишкомъ отвѣтственное и серьезное, въ особенности имѣя въ виду опытнаго и хитраго, искусившагося въ подводной войнѣ

нѣмца. Но въ насъ говорилъ молодой задоръ и неумирающая надежда. При мысли объ успѣхѣ—захватывало духъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ разговоровъ мы разошлись по каютамъ. За эти оставшіеся 3 часа надо было набраться силъ для дальнѣйшаго, болѣе серіознаго пути.

Настала тишина; лишь раздавался храпъ утомленной команды, да изрѣдка слышался скрежетъ стального корпуса о песокъ, это—подводное теченіе разворачивало лодку.

Въ ней было такъ уютно и обыкновенно, что какъ-то не думалось о томъ, что мы лежимъ на днѣ морскомъ, и что зелсная вода плотно охватила и сжала насъ въ своихъ объятіяхъ.

2. Встрѣча.

Въ четыре часа утра мы вынырнули изъ воды, и въ перископъ было видно, какъ играло солнце въ брызгахъ скатывающейся съ корпуса лодки воды. Еще мгновеніе—и черезъ открытый люкъ ворвался утренній свѣтъ и вольный воздухъ. Застучали дизель-моторы, и «Волчица» помчалась дальше къ таинственному горизонту.

Солнце весело играетъ на поверхности волнъ; дуетъ немного свѣжій вѣтеръ, но въ общемъ погода прекрасная. Для вахтеннаго начальника — офицера—не представляется труднымъ вглядываться въ горизонтъ—настолько ясенъ день, и прозраченъ воздухъ.

Равномѣрный бѣгъ лодки, здоровый морской воздухъ, сознаніе полной надежности и исправности всѣхъ частей,—все это веселило душу и наполняло каждаго неизсякаемой энергіей.

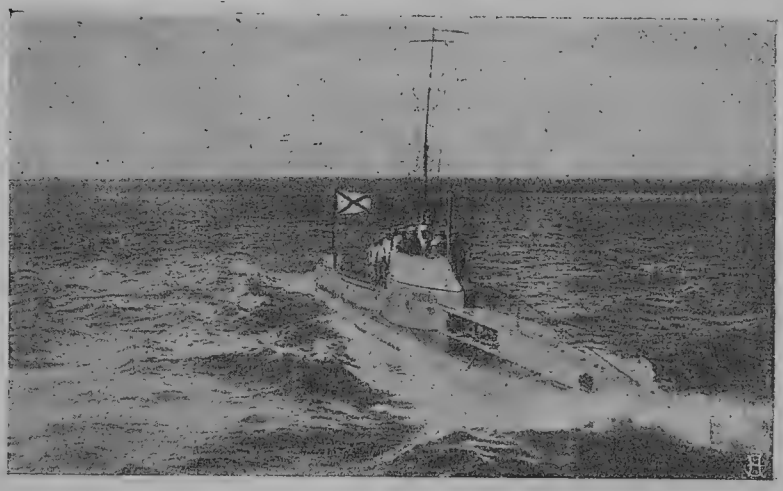
На горизонтѣ мелькнуло что-то бѣлое. По всей вѣроятности, мы уже приблизились къ обычному пути пароходовъ, и надо нырять подъ воду, если насъ замѣтятъ,—то пропалъ принципъ внезапности, а вмѣстѣ съ нимъ, значитъ, и какой либо успѣхъ.

Рѣшивъ погрузиться, командиръ далъ сигналъ. Заработали мощныя помпы, захлопнулся солидный люкъ, и на лодкѣ,

послѣ стука дизелей, воцарилась тишина, — перешли на электро-моторы.

По тревогѣ все исполняется быстро, безъ суетливости. Приказанія, а то и простой знакъ рукой, принимаются слету. Всѣ на своихъ мѣстахъ, нѣтъ никакой неопредѣленности. Теперь подъ водой вахтенный начальникъ наблюдаетъ море въ выдвинутый перископъ.

Бѣлое пятнышко, отчетливо видимое подъ лучами солнца, приближается и вырисовывается въ небольшой пассажирскій пароходикъ. На кормѣ у него развѣвается шведскій флагъ.



Мимо!—онъ намъ неинтересенъ, и мы перестаемъ за нимъ наблюдать, досадуя на то, что даромъ пропалъ нашъ нервный подъемъ.

Медленно,—намъ не для чего уходить съ проѣзжей дороги,—продвигаемся впередъ, все время тщательно шаря перископомъ по горизонту.

А! вотъ опять дымъ и на этотъ разъ уже не маленькій въ видѣ пятнышка, а кое-что посолиднѣе.

Мѣняемъ курсъ и идемъ на это «нѣчто».

Все ближе и ближе черный силуэтъ. Насъ охватываетъ чувство охотника, чуящаго дичь. По очереди мы смотримъ въ перископъ, дѣлимся мнѣніями и силимся разгадать: нѣмецъ это или нейтральный?

А онъ—медленный, громоздкій, подползаетъ все ближе и ближе, безмятежно дымя и не чувствуя грозящей опасности.

«Море такъ спокойно и ласково. Какія могутъ быть тревоги въ этомъ нашемъ привычномъ плаваніи отъ береговъ Германіи къ Швеціи? это море—наше и можетъ ли кто помѣшать нашей резонной и покуда въ этихъ смирныхъ водахъ, безопасной коммерціи?»—такъ навѣрное разсуждаетъ его капитанъ.

Нашего же командира занимаетъ въ это время другой вопросъ: надо подойти незамѣченнымъ ближе и, прежде чѣмъ обнаружить себя для рѣшительныхъ дѣйствій, успѣть различить накрашенныя на борту нейтральныя марки національныхъ цвѣтовъ.

По нимъ, главнымъ образомъ, и отличаютъ національность пароходовъ. Кормовой флагъ малъ, плохо виденъ, да и большею частью изъ экономіи,—чтобы не трепался безъ нужды,—не поднимается. Правда, нѣмцы иногда прибѣгаютъ къ уловкамъ: выходя изъ порта въ море они прицѣпляютъ на борту съемные щиты, выкрашенные въ цвѣта какой-нибудь нейтральной страны.

Пароходъ уже близокъ и занимаетъ большую часть поля зрѣнія перископа, а предательское солнце такъ сильно блеститъ на масляной краскѣ, что ничего положительнаго сказать нельзя.

«Посмотрите вы,—есть марки или нѣтъ!» обращается ко мнѣ командиръ. Но и я, сколько не силюсь, разобрать ничего не могу.

«По мѣстамъ, боевая тревога!»

Всѣ примолкли въ страстномъ ожиданіи. Проходятъ томительныя секунды, и мнѣ стоящему на своемъ мѣстѣ внизу, не видно даже выраженія лица командира, чтобы я могъ судить о ходѣ дѣла.

«Нѣмецъ!»—слышится сверху. «Всплывай!»

Сразу на душѣ становится возбужденно-весело. У всѣхъ въ глазахъ пробѣгаетъ огонекъ.

Вотъ уже открытъ люкъ, въ него на шестѣ просунутъ сигналъ, по международному своду, приказывающій купцу

немедленно остановиться. «Бумъ, бумъ,»—слышатся орудійные выстрѣлы, сотрясающіе корпусъ лодки,—это мы подтверждаемъ свой сигналъ угрозой.

Внизу все кончено, и я вылѣзаю наверхъ.

Невдалекѣ отъ насъ, съ застопоренной машиной стоитъ громадный купецъ, и на кормѣ у него развѣвается только что поднятый германскій флагъ.

«Попался голубчикъ!»—радостно и взволнованно восклицаетъ командиръ.

«Сразу легче стало, когда поднялъ флагъ и опредѣлилъ свою національность. А то, чортъ его знаетъ, кто онъ такой? Марокъ хотя и нѣтъ, а вдругъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, окажется шведомъ или датчаниномъ?»

Но этотъ оказался настоящимъ, очень обстоятельнымъ и дисциплинированнымъ нѣмцемъ. На нашъ второй сигналъ: «Возможно скорѣе покинуть судно», — онъ даже поднялъ отвѣтъ, что было ужъ совсѣмъ шикарно, и сейчасъ-же началъ спускать шлюпки.

Было видно, какая бѣготня началась у него на палубѣ. Встревоженные люди, среди которыхъ были и двѣ женщины,—одна, повидимому, жена капитана, а другая, ея горничная,—выбѣгали изъ различныхъ помѣщеній корабля и проворно спускались въ шлюпки...

Нѣмцы, сами не щадящіе людей, привыкли къ крутымъ мѣрамъ и теперь, повидимому, не придавая значенія нашему сигналу, спасались съ необыкновенной быстротой, почти стряхиваясь въ шлюпки съ борта. Черезъ двѣ минуты все населеніе, состоящее изъ 23-хъ человѣкъ, на шлюпкахъ отвалило отъ парохода. Они направились къ лодкѣ, ожидая нашихъ распоряженій.

По приказанію командира, я объявилъ капитану, крупному человѣку съ здоровымъ цвѣтомъ лица и русыми волосами, что ему дается 10 минутъ для того, чтобы доставить намъ съ парохода всѣ документы и карты. Онъ, видимо сдерживая свое волненіе, повернулъ къ пароходу и пошелъ за нужными намъ вещами.

Въ это время нашъ штурманъ предложилъ поднять Андреевскій флагъ. Неудержимо хотѣлось показать нѣмцамъ, которые будутъ отпущены и, очевидно, возвратятся въ Германію, свою національность.

Что именно русскій подводный флотъ ихъ безпощадную подводную войну не оставляетъ безъ отвѣта!

Конечно, командиръ только привѣтствовалъ это предложеніе.

Къ тому-же шесту, на которомъ передъ этимъ поднимали сигналъ нѣмцу, пристопорили нашъ Андреевскій флагъ. Я тоже помогалъ и все торопилъ штурмана, но онъ, едва справляясь съ жесткими веревками, удерживалъ меня.

«Надо основательнѣе привязать. Если сорветъ, то это будетъ плохой признакъ».

Да, конечно, не надо суетиться,—получится неважное впечатлѣніе, а мы, моряки, всѣ народъ суевѣрный.

Взявши свертки картъ, нѣмецкій капитанъ отвалилъ отъ борта и пошелъ къ намъ. Когда онъ достаточно отдалился отъ парохода, мы нацѣлившись выпустили мину.

На поверхности воды сразу обозначилась рѣзкая бѣлая полоса, все растущая по направленію къ пароходу.

Нѣмцы тоже ее замѣтили и привстали на шлюпкахъ, наблюдая послѣднія минуты своего парохода.

Этотъ моментъ приближенія мины къ своей цѣли особенно волнуетъ и даже, я-бы сказалъ, доставляетъ какое-то острое наслажденіе.

Что-то могучее, почти сознательное, дорогое и артистическое по своему выполненію, съ страшной быстротой мчится на врага. Вотъ «оно» уже близко, но пароходъ еще идетъ невредимый и исправный—онъ еще живъ, вполнѣ здоровъ. Въ немъ вертится точно пригнанная машина, идетъ паръ по трубамъ, трюмы аккуратно нагружены грузомъ, во всемъ виденъ человѣческій геній, приспособившій и подчинившій себѣ эти силы для преодолѣнія стихіи. Но вдругъ страшный взрывъ другого еще болѣе сильнаго оружія, изобрѣтеннаго для борьбы между людьми—и все кончено! Все смѣшалось: рвутся стальные листы, лопаются подъ давленіемъ желѣзныя

балки, образуется громадная пробоина, и вода, отвоевывая свои права, добиваетъ раненаго и поглощаетъ въ безднѣ своей гордое произведеніе рукъ человѣческихъ.

Раздался взрывъ,—поднялся столбъ воды и чернаго дыма, полетѣли въ воздухъ осколки различныхъ предметовъ, и пароходъ, сразу сѣвъ кормой, началъ свою агонію.

Я видѣлъ, какъ въ этотъ моментъ нѣмецкій капитанъ, бывшій на шлюпкѣ отвернулся и закрылся рукой. Можетъ быть, онъ опасался, что въ него попадутъ кое-какіе осколки? Но нѣтъ, шлюпка была далеко отъ парохода; мы, моряки, понимаемъ, что значитъ видѣть гибель своего корабля.

Черезъ семь минутъ, послѣ взрыва котловъ, пароходъ, вставши на дыбы носомъ кверху, стремительно пошелъ ко дну. Море, сомкнувшись надъ мѣстомъ гибели, попрежнему привѣтливо рябилось, блестя на солнцѣ.

Пора двигаться дальше,—не ровенъ часъ; еще какой-нибудь врагъ покажется на горизонтѣ и откроетъ насъ.

Взявъ въ плѣнъ капитана, остальныхъ пассажировъ мы оставили на шлюпкахъ, сказавъ, что «они могутъ быть свободны». На это нѣкоторые учтиво приподняли фуражки.

3. Непріятель.

Первая удача! Командиръ и офицеры поздравляли другъ друга, весело дѣлясь впечатлѣніями, а въ носу лодки, подъ надзоромъ, грустилъ плѣнный капитанъ.

Стоило труда, чтобы взять себя въ руки, успокоиться отъ радостнаго волненія и не слишкомъ увлекаться, помня, что мы въ морѣ, да еще среди всевозможныхъ сюрпризовъ.

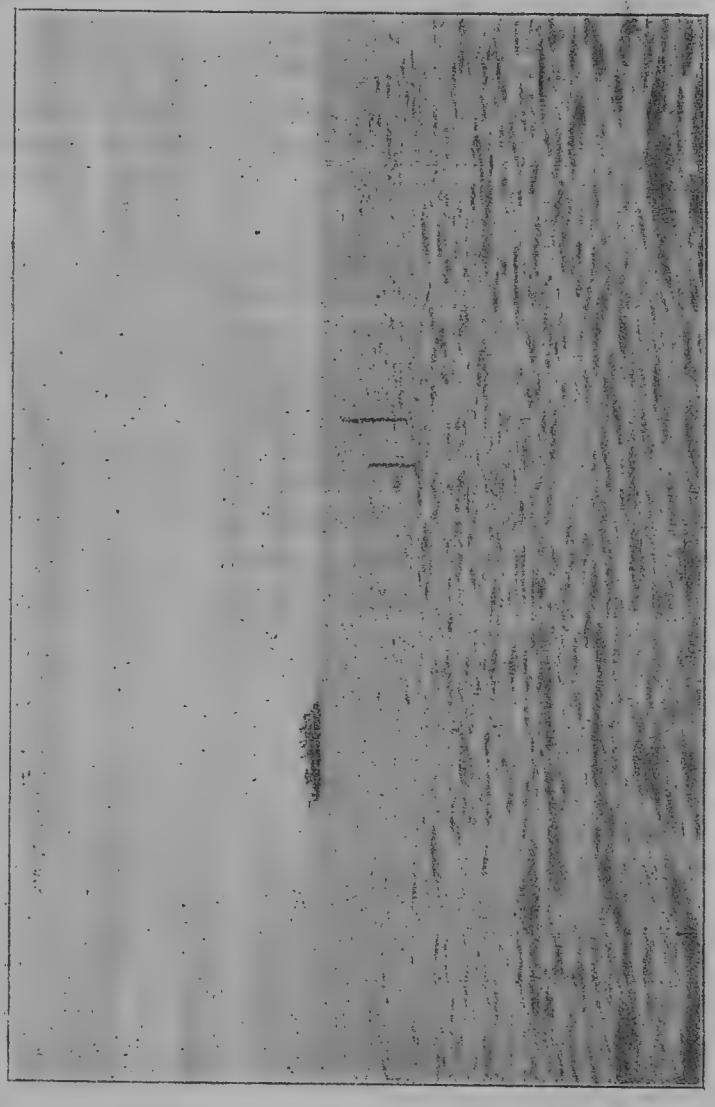
И дѣйствительно: «Что это тамъ за тычекъ такой?»

«Перископъ непріятельской подводной лодки,»—слышится голосъ вахтеннаго сигнальщика.

«Погружаться!» — приказываетъ командиръ и, по пути разспрашивая о направленіи, по которому былъ виденъ перископъ, круто поворачиваетъ въ сторону.

Мы погружаемся на глубину 50-ти футъ, чтобы совершенно скрыть себя. Намъ надо, во чтобы то ни стало, замести свои

слѣды и уйти отъ преслѣдующей насъ лодки. Иначе она будетъ мѣшать всѣмъ нашимъ операціямъ, и намъ ничего не



Подводный ходъ подъ перископомъ.

останется, какъ на сегодняшній день позабыть объ активныхъ дѣйствіяхъ.

А купцы, повидимому, свободно и не одинъ-два — расхаживаютъ въ этихъ мѣстахъ.

Неужели-же упустить такую добычу!

Мы — недовольны. Но осторожный и опытный командиръ успокаиваетъ наше волненіе и охватившій насъ задоръ и рѣшаетъ охладить ихъ, погрузившись часа на два для похода подъ водой.

Спокойно, но и скучно, идти слѣпымъ подъ водой. Работаютъ лишь рулевые, держащіе лодку на заданной глубинѣ.

Пьемъ чай. Курить подъ водой нельзя и потому, въ видѣ компенсаціи, мы засовываемъ себѣ за щеку порцію жевательнаго табаку.

Пока мы къ нему не привыкли — было тяжело. Считая по названію, что его надо жевать, мы обжигали себѣ рты, истекали слюной, и насъ начинало тошнить. Но потомъ дѣло наладилось, и, «нажевавшись», послѣ нѣсколькихъ часовъ воздержанія курить не хотѣлось. Впрочемъ, все-же мы съ нетерпѣніемъ ожидали вожделѣннаго момента всплытія, и тогда дымили на совѣсть.

Бѣдные курильщики! Съ какой завистью, бывало, смотришь на некурящаго командира, для котораго не существовало этой тяготы, иногда продолжавшейся часовъ 25 подрядъ, а то и болѣе.

4. Удача.

Проходитъ два слишкомъ часа — непріятельская лодка навѣрно осталась позади, и мы рѣшаемъ всплыть и осмотрѣться. Раздается команда: «Столько-то футъ». Кладутъ горизонтальные рули, и лодка начинаетъ приближаться къ поверхности.

Вотъ оголился перископъ, и бѣлый свѣтъ рѣзнулъ глазъ наблюдателя.

Но что это за черная масса? — Да это пароходъ, чуть не рядомъ съ нами! Сейчасъ же осмотрѣть есть ли марки. — Марокъ не видно. Неужели еще добыча? Вотъ такъ неожиданность!

Опять всплываемъ, люди становятся по мѣстамъ, бѣгутъ къ пушкамъ.

Еще мы не совсѣмъ откачались, а ужъ слышны выстрѣлы изъ орудій, — люди, по колѣно въ водѣ, управляются на верхней палубѣ. Нужды нѣтъ, что вода холодная, — они этого

не замѣчаютъ, да и никто объ этомъ не думаетъ,—всѣ помыслы направлены къ тому, чтобы задержать и не дать уйти пароходу. Поднятъ опять тотъ-же сигналъ: «Немедленно покинуть судно!»

Черезъ нѣсколько секундъ вода подъ кормой парохода перестаетъ бурлить, и онъ останавливается, грузный, черный.

На пароходѣ, повидимому, ничего не собираются предпринимать. Во всю силу своихъ легкихъ кричу имъ, по нѣмецки, повторяя требованіе сигнала.

Они намъ что-то отвѣчаютъ, но что — не слышно, машутъ руками и, не желая больше продолжать съ нами разговора... даютъ ходъ, пытаясь уйти.

«А, вотъ ты какъ?»

«Коли не желаешь слушаться. Разговоры коротки!»

«У аппарата, товсь», — и черезъ минуту: — «Аппаратъ пли!» Ждать намъ нельзя, — гдѣ-то около бродитъ непріятельская подводная лодка и сейчасъ, можетъ-быть, подбирается къ намъ. Производя легкій всплескъ, мина выходитъ изъ аппарата и мчится на пересѣчку парохода. Тотъ дѣлаетъ свои послѣдніе обороты.

Вотъ бѣлая струя мины у самаго парохода, и затѣмъ раздается взрывъ. Надъ самой серединой встаетъ громадный столбъ воды.

Пароходъ садится и начинаетъ погружаться. На палубу выбѣгаютъ люди, и видно, какъ они съ другого борта торопливо спускаютъ уцѣлѣвшую шлюпку.

Мы бросаемъ шлюпку съ людьми, — ихъ подберутъ проходящіе здѣсь частые пароходы, — и уходимъ дальше. Оставаться — это значитъ привлекать на себя вниманіе, да и не къ чему это: вонъ — на горизонтѣ появился какой-то дымъ, надо опять погружаться и выходить къ нему.

Черезъ нѣсколько времени изъ-подъ горизонта показывается корпусъ парохода.

«Кто-то ты такой?»

У перископа остается вахтенный начальникъ, а офицеры и командиръ ужъ собрались въ каютъ-компаніи, гдѣ горячо обсуждаютъ новую удачу.

«Для ровнаго счета надо третьяго», — слышатся голоса.

«Теперь ужъ и третій насъ не минуетъ», — ввертываетъ свое слово вѣстовой, усердно кипятя въ электрической посудѣ господамъ чай. Всѣмъ хочется пить. Всѣ поволновались, покричали, и теперь, сидя за чаемъ, нѣтъ-нѣтъ да и улыбнется кто-нибудь довольной улыбкой, вспоминавъ подробности минувшаго. Нѣмецкому капитану сердобольные матросы тоже дали чаю и чудовищный, даже для ихъ аппетита, кусокъ ситнаго. Въ этомъ у нихъ была своя гордость: «Дескать, лопай и помни, что у насъ не то, что въ Германіи. Всего въ волю».

«Пароходъ близко», — раздается голосъ вахтеннаго начальника.

Всѣ улыбки мигомъ слетаютъ съ лица, чай забытъ, команда встрепенулась, и все вновь настораживается. Командиръ у перископа.

Что-то донесется отъ него? — Онъ одинъ вѣдь все видитъ и всѣмъ распоряжается.

«Всплывай, комендоры къ пушкамъ, поднять сигналъ!» — одна за другой раздаются его радостныя команды.

«Ура! еще одинъ, третій!»

Опять выстрѣлы, объясненія и требованія, обращенныя къ капитану. Спускаются шлюпки и люди покидаютъ пароходъ.

Пущена мина.

«Но что это, проклятіе!» — мина, нацѣленная въ пароходъ, вдругъ повернула.

«Нѣтъ, выпрямилась и идетъ вѣрно». Приборъ, исправивъ ошибку, заставилъ мину только вильнуть.

Взрывъ — и «Біанка», клюнувъ носомъ, начала погружаться. Оригинальнымъ было то, что какъ разъ въ моментъ взрыва на пароходѣ раздался свистокъ; онъ замолкъ лишь тогда, когда вмѣстѣ съ пароходомъ исчезъ въ волнахъ.

«Лебединая пѣснь»,—мелькнуло у меня сравненіе. Между тѣмъ, неподалеку отъ мѣста происшествія, но все-же на почтенномъ разстояніи оказались двое любопытныхъ. Два шведскихъ парохода, находясь на безопасномъ разстояніи, наблюдали всю картину.

Они успѣли приблизиться къ намъ въ то время, когда мы останавливали нѣмца.

Подойти ближе они, повидимому, боялись: «Чортъ его знаетъ,—разсуждали они,—навѣрно нейтралитетъ нейтралитетомъ, а вдругъ трахнетъ. Лучше ужъ держаться подальше».

Впрочемъ, когда они полнымъ ходомъ пошли подбирать съ погибшаго парохода оставшихся на шлюпкахъ людей, то мы разошлись очень близко и, видя шведскій флагъ, не подумали предпринимать по отношенію къ нимъ какихъ-либо агрессивныхъ мѣръ.

Эти симпатичные шведы любовались рѣдкой картиной потопленія нѣмецкаго парохода. Интересно, какія человѣческія чувства были у нихъ при этомъ? — Нейтральныя? — Поди, еще фотографировали моментъ взрыва.

«Ну довольно на сегодня, — да и скоро начнетъ темнѣть», сказалъ я. — «Да, я усталъ»—отозвался командиръ.

Дѣйствительно, всѣ чувствовали утомленіе послѣ дня, полнаго подъема нервовъ. Наступала реакція, понижавшая остроту впечатлѣній. А это ужъ было нехорошо.

Исключительный «уловъ» пріѣлся и никого особенно не радовалъ. Невольно приходила мысль о сбереженіи силъ: — вѣдь впереди было еще не мало дней и ночей полнаго напряженія. Тѣмъ болѣе, что непріятель, встревоженный громомъ и трескомъ, произведеннымъ нами, не захочетъ оставить дерзкихъ безъ реванша и, конечно, обрушится на насъ, прервавшихъ ихъ до сего времени мирное мореходство.

Берегись, «Волчица»! сейчасъ о твоихъ дѣяніяхъ летятъ телеграммы, и съ завтрашняго дня начнется облава.

Плѣнный капитанъ былъ доволенъ: его одиночество было раздѣлено приходомъ капитана съ «Біанки». Оба, грустные, они сидѣли на матросской койкѣ и вполголоса бесѣдовали о своей горькой участи.

5. Ночная встрѣча.

Зарядивши аккумуляторы ночью, на слѣдующій день мы, ободренные вчерашнимъ успѣхомъ, вновь начали свое крейсерство. Много пароходовъ мы видѣли и ко многимъ подхо-

дили, но, — увы! всѣ они имѣли нейтральные флаги и марки на борту, и только дразнили нашъ аппетитъ.

Каждый разъ, приготовляя минные аппараты и разсчитывая планъ атаки, думалось: «ну, ужъ этотъ-то непремѣнно нѣмецъ». Но, подойдя къ дѣловито и безмятежно идущему купцу, насъ постигало разочарованіе.

Нѣмцевъ — какъ вымело. Очевидно, всѣ ихъ рейсы были пріостановлены.

Пробродивъ цѣлый день, около 10-ти часовъ вечера, когда ужъ стемнѣло, мы остановились и принялись за новую зарядку аккумуляторовъ.

Зарядка аккумуляторовъ представляетъ изъ себя очень важную функцію.

Расходуемый при подводномъ ходѣ запасъ электрической энергіи, конечно, долженъ быть возмѣщенъ. Этотъ запасъ опредѣляетъ срокъ возможности лодки держаться подъ водой.

Для возобновленія-же этого запаса необходимо пустить въ ходъ дизель-моторы, которые могутъ сообщать лодкѣ какъ движеніе, такъ и приводя въ дѣйствіе большія динамо-машины, питать аккумуляторы электрическимъ токомъ. Зарядку подъ водой производить нельзя, и для этого лодка, вынырнувъ на поверхность, должна посвятить этой работѣ нѣсколько часовъ, тѣмъ больше, чѣмъ больше было подводнаго хода, то-есть чѣмъ больше израсходовано электрической энергіи.

Вотъ въ это-то время непріятель и старается, найдя лодку, загнать ее подъ воду и не дать возможности зарядиться.

Этимъ особенно любятъ заниматься гидропланы.

Иной разъ только наступившая темнота спасаетъ лодку отъ ихъ настойчивыхъ преслѣдованій.

Бѣда будетъ для лодки, если ей не удастся уйти отъ воздушнаго врага.

Пользуясь своимъ преимуществомъ въ ходѣ и свойствомъ хорошо видѣть, смѣняясь другъ съ другомъ, часами гоняютъ они несчастную лодку, заставляя ее идти на большой глубинѣ. Бывали случаи, что аэропланы бросали и бомбы, — а значитъ — и видѣли лодку, когда она спускалась до 80-ти футъ. Хорошая видимость лодки, конечно, зависитъ отъ степени прозрач-

ности воды, а также и отъ состоянія моря. Въ штиль видно лучше, чѣмъ въ бурную погоду.

Ночь быстро темнѣла. Задулъ свѣжій вѣтеръ, мигомъ разведшій волну. На сѣверо-западѣ угасала заря, и разорвавшіяся облака мѣстами рѣзко опредѣляли линію горизонта. На югѣ была сѣрая непроглядная тьма. Море все больше и больше сердилось, и волны, дробясь о предметы на верхней палубѣ и перекатываясь черезъ нее иногда совершенно скрывали корпусъ лодки. Изъ воды торчала только одна рубка, на которой стоялъ я и вахтенный сигнальщикъ.

Такъ какъ для работы дизель-моторовъ необходимъ притокъ свѣжаго воздуха, то люкъ пришлось держать открытымъ.

Ударяясь о рубку, волна обдавала насъ, частью попадая и въ лодку.

Настроеніе мое начинало портиться.

Вымокнувъ, несмотря на резиновые сапоги и дождевикъ, я началъ мерзнуть.

Пенснэ мое поминутно заливалось брызгами, и отъ него пришлось отказаться. Бинокли тоже вымокли, и для пользованія ими приходилось давать ихъ внизъ, гдѣ для этого стоялъ спеціальный человѣкъ, неустанно ихъ протиравшій.

А смотрѣть надо было во всѣ глаза, т. к. ясно было, что насъ замѣтили и, конечно, ищутъ. Далеко, еле видно, монотонно мигалъ маякъ.

Но вотъ показались огни и впереди и сбоку. Не на насъ-ли они идутъ, и кто они?

Все ближе и ближе огни парохода, который идетъ какъ разъ къ намъ.

Надо разобраться въ цвѣтахъ его огней, чтобы окончательно опредѣлить: сторониться намъ его или нѣтъ? Какъ на грѣхъ, разбушевавшееся море не даетъ возможности смотрѣть въ бинокль, — его поминутно заливаетъ, да еще работа моторовъ заставляетъ дрожать лодку, а слѣдовательно и меня съ биноклемъ. Огни въ полѣ бинокля прыгаютъ, двоятся, четверятся и сливаются въ одну общую неразборчивую массу.

Въ этотъ моментъ громадный валъ, чуть не сбивъ меня съ ногъ, съ шумомъ врывается въ люкъ, и порядочная порція

воды, каскадомъ спадая въ самый низъ лодки, безцеремонно поливаетъ спящихъ поблизости, а также и все, встрѣчающееся ей на пути.

Слышна ругань. Люди убираютъ воду, накрываютъ брезентами нѣжные приборы, и все опять затихаетъ.

Непріятность проходитъ, и снова внизу хорошо, свѣтло и сухо.

Послѣ дня безпрерывнаго похода, несмотря на тряску и стукъ моторовъ, усталый человѣкъ, наверстывая истраченныя силы и нервы... сладко и спокойно спитъ, иногда въ самомъ неудобномъ мѣстѣ и въ невѣроятномъ положеніи. Мы говоримъ: люди такъ же, какъ и аккумуляторы, «заряжаются». Каждый спокоенъ, зная, что нѣтъ такой секунды, когда-бы нѣсколько паръ глазъ не смотрѣли кругомъ и не оберегали его покой. Глаза, которые проникаютъ сквозь темноту, не считаются съ пространствомъ и подмѣчаютъ всякія необычныя явленія, — для обыковеннаго человѣка какъ будто и не имѣющія никакого значенія. Но въ морѣ нѣтъ ничего, недостойнаго вниманія, а въ особенности — для подводной лодки.

И дѣйствительно, хорошій сигнальщикъ — это корабельная драгоцѣнность, которую не можетъ замѣнить никакой сложный оптическій приборъ. Ночь, туманъ, брызги волнъ,— вотъ главные враги биноклей, трубъ.

Наконецъ, разошедшаяся волна стала невыносима, — надо было спасаться отъ нея, да и заодно уходить съ курса идущаго на насъ парохода.

Въ это время, когда все мое вниманіе было отвлечено огнями приближающагося парохода, сигнальщикъ увидѣлъ за кормой какой-то мелькнувшій изъ за волнъ и довольно быстро приближающійся красный огонь.

«Этого еще недоставало. Кто это мчится?» — подумалъ я.

Во избѣжаніе непріятностей командиръ рѣшилъ временно скрыться на большую глубину.

Дано распоряженіе приготовиться къ погруженію.

«Да это миноносецъ!» слышу голосъ командира.

Моментально всѣ по мѣстамъ, спящихъ нѣтъ.

Даютъ ходъ электромотору, и раздается громкая команда: «Ныряй 60 футъ!»

Но что это? Стоя на своемъ мѣстѣ, я ослѣпленъ электрической искрой и вижу, какъ падаетъ человѣкъ.

Какъ потомъ выяснилось, въ электромоторѣ произошла поломка, и его рычагомъ ушибло человѣка. Моторъ сталъ.

Подскочившій фельдшеръ кинулся къ раненому.

Но терять нельзя ни секунды, пропущенный моментъ можетъ стоить жизни всей лодки.

Настойчивѣе и настойчивѣе раздается голосъ командира: «Ныряй!»

Стоя на своемъ посту, я съ быстротой соображаю всю картину.

На насъ, повидимому, несется миноносецъ. Онъ насъ либо таранитъ, либо выпуститъ мину. Мы-же ночью слѣпы, и единственное наше спасеніе,—это большая глубина.

Громадная волна и испортившійся моторъ замедляютъ наше погруженіе.

«Другой моторъ... полный впередъ!»

Заработалъ моторъ, и стрѣлка глубомѣра тронулась. Всѣ замерли въ ожиданіи. Почувствовалось облегченіе. Острота момента прошла.

Въ это время прибѣгаетъ съ носа матросъ и докладываетъ:— «Ваше благородіе, около носа прошла мина, — было слышно какъ работали ея винты».

«Есть»,—отвѣчаю ему и соображаю: если, несмотря на шумъ волны была слышна работа винтовъ, — значитъ мина прошла отъ борта лодки не далѣе 3—5-ти футъ.

«Миновало!»—Командиру доложу потомъ, сейчасъ некогда.

Наконецъ глубомѣръ показалъ 60 футъ. Теперь мы въ безопасности.

Какъ тихо, хорошо и спокойно.

Надо выяснить поломку мотора,—кажется она несеріозна.

Только теперь замѣтилъ, что рулевые стоятъ безъ сапогъ, какъ вскочили со сна. По палубѣ внутри лодки разгуливаетъ влившаяся раньше волна.

Надо ее, во-первыхъ, изолировать и затѣмъ откачать:—не дай Богъ, попадетъ въ аккумуляторы, гдѣ есть сѣрная кислота,—тогда образуется ядовитый хлоръ, и мы всѣ задохнемся.

Закипѣла работа. Исправляли моторъ, выкачивали воду и осматривали всѣ механизмы. Бѣдный матросъ былъ сильно ушибленъ въ желудокъ и сейчасъ, лежа на койкѣ, стоналъ отъ боли.

«А знаете»,—обратился я къ командиру,—«вѣдь миноносецъ выпустилъ въ насъ мину, и она прошла вдоль борта. На 5 футъ вѣрнѣе—и мы были-бы взорваны».

Пріятно было сообщить эту новость потому, что все пережитое было позади.

Когда все успокоилось, мы, собравшись въ каютъ-компаніи, разбирались въ минувшемъ.

Во взглядѣ каждаго можно было прочесть радость:—«ушли отъ миноносца».

«Молодчина Колодій», — обратился командиръ къ сигнальщику, замѣтившему красный огонь, принадлежавшій миноносцу,—«представлю къ Георгію!» И дѣйствительно, недѣли черезъ три у Колодія на груди красовался новенькій Георгіевскій крестъ.

Плѣнные нѣмецкіе капитаны были сами не свои. Команда, бывшая свидѣтельницей, передавала, что они отлично поняли значеніе гудящаго звука и отъ испуга только крутили головами. Думаю, что на этотъ разъ, несмотря на весь свой патріотизмъ, они искренно не желали успѣха оружію своихъ соотечественниковъ.

Послѣ вахты и пережитого волненія, я, готовый каждую минуту вскочить, не раздѣваясь, свалился на койку и, позабывъ всѣ волненія, рѣшилъ, что все-таки сонъ милѣе всего на свѣтѣ. Въ лодкѣ было тихо, и мы были въ безопасности. Разлившаяся по тѣлу теплота погрузила меня въ пріятную истому, и я крѣпко заснулъ.

6. Чайки.

Какая чудная погода. Съ удовольствіемъ стою на вахтѣ. Изнутри понемногу вылѣзаютъ матросы и просятся «поды-

шать воздухомъ». Не хватаетъ духа имъ отказать. Шести счастливчикамъ разрѣшаю, но съ условіемъ: въ то-же время наблюдать за горизонтомъ. Вышелъ и командиръ.

Несмотря на то, что уже 9 часовъ вечера,—все еще свѣтло. Легкій вѣтерокъ чуть рябитъ море. Съ крикомъ носятся чайки и выслѣживаютъ—не останется-ли имъ чего на обѣдъ. Слѣдовать за кораблемъ,—это ихъ обычай.

Опять мы совершаемъ свой очередной походъ и сейчасъ слѣва, далеко отъ насъ, долженъ быть теперь уже непріятельскій берегъ. Мысли текутъ разсѣянно и лѣниво — слишкомъ сильно обаяніе ласковаго моря.

Вспоминаемъ съ командиромъ прошлые годы, то мирное время, когда все было проще, но и неопредѣленнѣе, когда люди еще нащупывали способы и пріемы борьбы, когда подводный флотъ, теперь властно выступившій, какъ элементъ обороны и нападенія, имѣлъ лишь теоретическія и не вполнѣ ясныя заданія.

Часть похода, слава Богу, совершена вполнѣ для насъ благопріятно. Идти, правда, еще далеко, но... сейчасъ слишкомъ хорошо, чтобы отвлекаться отъ наслажденія чудной погодой.

Одинъ изъ присутствующихъ на мостикѣ, указывая «цыгаркой» на горизонтъ, почему-то усиленно интересуется чайкой.

Малѣйшій рѣзко брошенный взглядъ, громко сказанное слово, жестъ,—все это заставляетъ настораживаться.

Хватаюсь за бинокль и смотрю. На горизонтѣ летаютъ чайки, какъ чайки, самыя обыкновенныя, снующія туда и сюда, но одна изъ нихъ почему-то неподвижна, не мечется и къ тому-же не машетъ крыльями.

Аэропланъ—и, конечно, непріятельскій.

«Всѣ внизъ, погружаться!»

Все обаяніе тихаго вечера нарушено.

Одинъ за другимъ, всѣ 9 человѣкъ, проваливаются въ одну дыру, крышка захлопывается, и слышна команда: «Ныряй 80 футъ».

Лодка немного клюетъ носомъ и медленно идетъ внизъ. Глубомѣръ показываетъ 20, 30, 42 фута.

И вдругъ раздаются какіе-то невѣдомые звенящіе звуки, часто слѣдующіе одинъ за другимъ, точно кто-то стальнымъ хлыстомъ бьетъ по металлическому листу.

«Семь штукъ»,—сосчиталъ кто-то.

Въ этотъ моментъ я смотрю кому-то въ глаза и безмолвно, какъ-бы спрашиваю взглядомъ: «Что это такое?»—и въ отвѣтъ вижу такіе-же вопрошающіе глаза штурманскаго офицера.— Ясно, что это были бомбы, сброшенныя съ аэроплана. — «Но развѣ при этомъ бываетъ такой странный звукъ?»

Но мы уже глубоко, на 80-ти футахъ, и теперь онъ врядъ-ли насъ видитъ.

Очень оригинально! Дѣлается весело.

По звуку даже опредѣлили мѣсто, надъ которымъ рвались бомбы.

А рвались онѣ очень недалеко отъ корпуса лодки, т. к. нѣмецкія бомбы имѣютъ затяжку и рвутся не при ударѣ о воду, а на глубинѣ, примѣрно, 15—20-ти футъ.

Потомъ придя домой, въ одномъ изъ уголковъ, и какъ разъ на предполагаемомъ мѣстѣ, мы нашли какимъ-то чудомъ застрявшіе и уцѣлѣвшіе осколки бомбъ.

«Знаете,—обратился я къ командиру, — сколько времени прошло между моментами, когда мы замѣтили аэропланъ и разрывомъ бомбъ, т. е. когда мы уже были на глубинѣ 42 футъ?— я пустилъ секундомѣръ».

«Около 3 мин. 52 секундъ».

Вотъ масштабъ нынѣшней войны!

«А мѣтко бросалъ, подлецъ, бомбы!»

Очевидно, на 42 футахъ лодку было еще видно, и онъ, пересѣкая ея путь, какъ нѣмцы это обыкновенно дѣлаютъ, «поливалъ» насъ бомбами, при чемъ, въ двѣ секунды разрывалось около трехъ бомбъ.

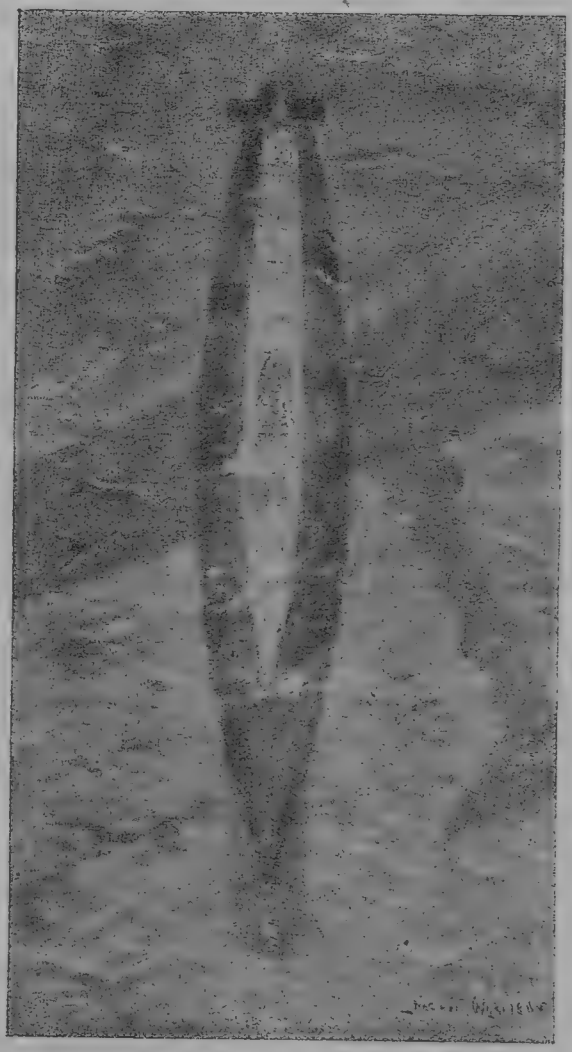
Конечно, это былъ развѣдчикъ, и потому мы рѣшили до темноты продержаться на 80-ти футахъ, чтобы основательно замести свои слѣды.

Удача и превосходно выполненный маневръ подняли наше настроеніе.

Офицеры и команда были оживленны и довольны. Пріятно было такъ безбѣдно обогатиться еще однимъ ощущеніемъ.

Что-же дѣлать подъ водой на 80-ти футахъ?

«Сосуновъ! горячаго чаю».



Какъ видна лодка на глубинѣ съ аэроплана.

Закипѣлъ электрическій чайникъ, мы сѣли за столъ пить чай съ консервированнымъ молокомъ и печеньемъ, и одинъ изъ молодыхъ офицеровъ для большаго веселія поставилъ на граммофонѣ модную пластинку «Типперери». Граммофонъ

былъ въ большомъ ходу, онъ развлекалъ насъ, когда мы ложились на грунтъ, его уныло слушали плѣнные нѣмецкіе капитаны, и команда донимала насъ излюбленными ими клоунами «Бимъ-Бомъ».

Развѣ не забавно на глубинѣ 120 футъ, лежа на днѣ морскомъ, слушать Вяльцеву?—Въ этомъ случаѣ, я думаю, рыбы принимали нашу лодку за сирену.

7. Пугливый „Фрицъ".

На слѣдующій день мы попали въ густой туманъ.

Отвратительная вещь! Видно немного дальше носа лодки. Чортъ его знаетъ, что тамъ можетъ скрываться за этой облѣпившей насъ ватой?

Идешь подъ водой,—плохо видно въ перископъ, идешь въ надводномъ положеніи, — видно лучше, но боишься, что не успѣешь нырнуть, если вдругъ изъ тумана выскочитъ какой-нибудь дьяволъ въ родѣ миноносца,—еще разрѣжетъ!

Досадное положеніе. Сигнальщикамъ въ туманѣ вдругъ начинаютъ мерещиться невѣдомые силуэты, которые то исчезаютъ, то вдругъ появляются. Настроеніе нервное. Туманъ опудриваетъ лицо водяною пылью; бинокли не смотрятъ, сколько ихъ не прочищаешь.

Наконецъ, къ полдню вѣтеръ угналъ туманъ на сѣверъ.

Небо, хотя нѣсколько и прочистилось, но все-же непривѣтливо; море посѣдѣло отъ пѣнящихся волнъ, и лодку начинаетъ качать. Какой контрастъ, по сравненію со вчерашнимъ днемъ!

Идемъ дальше. Стою на вахтѣ, злюсь и мечтаю о томъ, когда меня смѣнятъ, когда удастся отогрѣться и выпить стаканъ горячаго чаю.

«Ваше благородіе — перископъ!» — вдругъ слышу кричитъ сигнальщикъ.

Быстро смотрю по направленію пальца и вижу почти рядомъ съ нами два высовывающихся черныхъ перископа, на концахъ которыхъ поблескиваютъ стеклышки-глазки.

«Внизъ, погружаться!»

Качаютъ помпы. Стою на мѣстѣ и думаю: «не успѣемъ погрузиться! Негодяй Фрицъ вынырнулъ почти рядомъ съ нами и, конечно, безъ промаха выпуститъ въ насъ мину.

Въ душѣ зажмурился, ожидая взрыва.

Проходитъ мгновеніе, другое,—ничего нѣтъ.

Все — какъ обычно. Вотъ Румянцевъ, наше рулевое свѣтило, внимательно смотритъ на глубомѣръ и думаетъ только объ отданномъ приказаніи.

«Странно, думается мнѣ,—отчего онъ не стрѣлялъ?»

Оказывается, какъ потомъ мнѣ объяснилъ командиръ, во время погруженія наблюдавшій въ перископъ, «Фрицъ»,— такъ мы всегда называемъ непріятеля,—увидя нашъ маневръ и то, что мы, повернувъ лодку, такимъ образомъ-подставили его подъ наши минные аппараты, самъ испугался и прыснулъ въ сторону.

Но все-же это сосѣдство и слѣжка намъ непріятны, и мы должны во чтобы то ни стало расцѣпиться, — иначе онъ и впослѣдствіи будетъ намъ докучать.

Рѣшили уйти на 50 футъ и вынырнуть часовъ въ 11-ть, когда ужъ будетъ совсѣмъ темно.

Этотъ случай насъ разсердилъ и мы долго ругали бѣднаго и пугливаго Фрица.

Я-же до того былъ взбѣшенъ видомъ вынырнувшаго перископа, что въ тотъ моментъ готовъ былъ спрыгнуть и ногой разбить его отвратительные «глаза».

Помню, какъ еще въ мирное время, на маневрахъ, одна предпріимчивая сторона, тихонько на шлюпкѣ подкравшись сзади къ перископу лодки противной стороны, ловко накинула ему на «глазокъ» угольный мѣшокъ и завязала его. Лодка ослѣпла и должна была спасаться на глубину. Впрочемъ командиръ лодки былъ крайне обиженъ и шокированъ. Эту остроумную затѣю онъ назвалъ «неприличнымъ» способомъ борьбы.

«Глядя на ровную поверхность моря», — обращался я къ невѣдомому слушателю,—«вы должно быть думаете, что оно

пустынно? — Нѣтъ,—въ его нѣдрахъ таится много человѣческихъ страстей. Оно населено».

Сейчасъ «онъ», нашъ врагъ гдѣ-то тутъ, рядомъ, но мы другъ друга не видимъ и не слышимъ.

8. Сѣти.

Глубомѣръ опять показываетъ 50 футъ. Ночью надо проскочить узкое мѣсто, гдѣ днемъ могли-бы насъ замѣтить и помѣшать пробраться дальше.

Въ лодкѣ тихо, свѣтло и монотонно, какъ всегда подъ водой на глубинѣ.

Разговоръ не клеится,—кто пьетъ чай, кто, пользуясь спокойствіемъ, старается поймать нѣсколько часовъ сна.

Мы, офицеры, по виду спокойно сидимъ въ каютъ-компаніи и лишь изрѣдка перекидываемся фразами. У каждаго изъ насъ работаетъ мысль въ одномъ и томъ-же направленіи: хочется все обдумать, принять во вниманіе и учесть всевозможныя случайности. Каждый предлагаетъ какую-нибудь комбинацію. Говоримъ намеками, одной-двумя фразами, но мысль становится каждому сразу понятна. Глядимъ въ карту, и командиръ, собирая всѣ мнѣнія, ни одного не оставляетъ неразобраннымъ, не подвергнутымъ всесторонней критикѣ.

Какая чудная и совершенная школа!

Теорія тутъ-же провѣряется практикой и какой практикой! Умъ человѣческій изощряется до предѣла. Приходится помнить, что на карту ставится своя и много другихъ жизней. Несчастіе можетъ произойти отъ малѣйшей оплошности человѣка. Нечего и говорить о механизмахъ: неисправность ихъ, или просто плохое дѣйствіе угрожаетъ серьезными послѣдствіями. И потому-то они подвергаются постояннымъ осмотрамъ и провѣркамъ.

Однако вотъ уже 11 часовъ ночи,— часъ предназначенный для всплытія. Тамъ наверху теперь темно, и потому подъ покровомъ ночи надо всплыть и идти полнымъ ходомъ.

Вотъ тутъ-то и произошелъ рядъ случайностей, чудесныхъ и, во всякомъ случаѣ, удивительныхъ, спасшихъ насъ отъ вѣрной гибели.

Когда мы всплыли, то, несмотря на всѣ усилія, никакъ не могли открыть крышки средняго люка. Сколько ни бились— ничего не выходило. Кто-то, послѣ погруженія, когда мы были ужъ на глубинѣ подъ большимъ давленіемъ столба воды, видимо для вящшей прочности, еще болѣе поджалъ рычагъ, которымъ задраивалась крышка люка.

Естественно, всплывши, когда давленіе съ крышки снялось, то она (тамъ пружинилъ слой резины) оказалась такъ плотно закрытой, что не поддавалась сдвигу. Мы были закупорены какъ въ бутылкѣ.

«Что-же дѣлать?»—Надо нырять обратно на ту-же глубину и тамъ, вновь подъ давленіемъ воды, немного пріотдать рычагъ. Такъ и сдѣлали.

И вотъ идя на поверхность и будучи еще подъ водой, мы почувствовали подъ килемъ какіе-то глухіе удары, какъ будто мы ударялись обо что-то солидное и державшееся подъ водой.

«Полный назадъ»,—раздалась команда.

Лодка тронулась назадъ и подъ килемъ послышались тѣ-же загадочные удары, отъ середины лодки удалявшіеся къ носу.

Впечатлѣніе было неважное. Но чтобы это могло быть?

Разсуждать было некогда. Надо было уходить съ этого мѣста—тамъ чуялось что-то недоброе.

«Не спроста это!» рѣшили мы.

Вылѣзши наверхъ, мы застали довольно большое волненіе. Полная луна обливала волны желтымъ свѣтомъ, дулъ свѣжій вѣтеръ и чувствовалась нарастающая непогода Вдали на горизонтѣ подслѣповато мигалъ маякъ.

Открывавшаяся картина не дѣйствовала успокоительно на наши нервы, наоборотъ, она сообщала обстановкѣ какой-то зловѣщій оттѣнокъ.

Легли на новый курсъ. Заинтересованные, мы стали догадываться о только-что бывшемъ непонятномъ явленіи.

Затопленный пароходъ? полузатопленная и держащаяся подъ водой лайба?

Но ни то, ни другое не подходило.

Наши сомнѣнія разсѣялъ штурманъ, опредѣлившійся по маяку и давшій точное мѣсто.

«Конечно это сѣть!» сразу осѣнило насъ.—«Сѣть поставленная нѣмцами противъ нашихъ подводныхъ лодокъ».

«Въ самомъ дѣлѣ почему-бы имъ не поставить ее въ такомъ удобномъ для нихъ мѣстѣ? Она какъ разъ перекрывала узкость,—это и по картѣ видно!! Сомнѣній нѣтъ.

Такое открытіе заставило насъ на мгновеніе застыть.

Секундъ 10—15 дольше—и «Волчица» попала-бы подъ горизонтально плавающее на глубинѣ бревно, на которое навѣшена сѣть.

Сѣть, въ которую мы влѣзаемъ, облипаетъ насъ и, при небольшомъ ея натяженіи, отъ движенія лодки, рвутся навѣшенныя мины. Въ лодкѣ образуется пробоина и... не всплывая на поверхность, не возбуждая ничьего вниманія, лодка со всѣмъ своимъ экипажемъ навсегда ложится на дно морское.

Никто не узнаетъ и не догадается, отчего и гдѣ погибла лодка. Смотришь, черезъ нѣсколько времени рядомъ съ погибшей ляжетъ еще вторая, также незамѣтно исчезнувшая.

Позднѣе наше донесеніе о предполагаемой сѣти вполнѣ подтвердилось многими данными.

«Однако»—думалось намъ,—«какъ все благополучно сошло, и какое цѣнное свѣдѣніе мы доставили, добывъ его благодаря невѣроятному счастію.»

«Ваше благородіе, теперь намъ не суждено погибнуть,»—сказалъ мнѣ Стешинъ, моторный унтеръ-офицеръ.

Дѣйствительно, «Волчицѣ» везло.

9. Домой.

Море совершенно гладко. Иногда чуть зарябитъ, и тогда это мѣсто потемнѣетъ. Налетавшіе порывы вѣтерка изъ ряби образовывали темныя и извилистыя полосы, и тогда онѣ казались похожими на рѣки въ зеркальныхъ берегахъ.

Я взобрался повыше, и мнѣ съ биноклемъ видно очень далеко. Въ воздухѣ рѣютъ чайки и иногда возбуждаютъ напрасную тревогу, то тутъ, то тамъ показывается голова тюленя, которую принимаешь за перископъ непріятельской лодки.

Поднимается легкая мгла. Надо быть осмотрительнѣе.

«Справа пароходъ»,—докладываетъ сигнальщикъ, увѣряя, что въ просвѣтѣ мглы увидѣлъ силуэтъ парохода.

Интересно. Хотя мы и возвращаемся домой, но все-же любопытно посмотрѣть, что это за пароходъ, теперь такъ рѣдко появляющійся въ морѣ?

Идемъ подъ водой и наблюдаемъ въ перископъ.

Опять увидѣли «что-то» и по тому-же направленію, но теперь уже похожее на парусное судно.

Великолѣпно!—будемъ съ нимъ сближаться.

Вотъ мы все ближе и ближе.—Теперь ужъ парусникъ отъ насъ не уйдетъ, и во всякомъ случаѣ мы его достанемъ нашей артиллеріей.

«Да никакъ это подводная лодка въ надводномъ состояніи. И удивительно похожа на насъ!»

Приближаемся еще—и видимъ: дѣйствительно наша русская лодка.

Мы страшно обрадовались встрѣчѣ съ ней. «Подойдемъ къ ней,—мечтали мы,—поговоримъ, узнаемъ новости,—очевидно, она вышла позже насъ».

«А вдругъ она насъ испугается и нырнетъ въ воду или, не дай Богъ, приметъ за непріятеля?—Вотъ задача!»

Рѣшили, не подходя близко, вынырнуть и сразу показать опознательные сигналы—«дескать это свои русскіе».

Изнервничавшись за походъ, очень ужъ пріятно было встрѣтиться со своими.

Такъ и сдѣлали: быстро вынырнули, показали сигналъ и для большей надежности еще махали фуражками.

Секундъ 10 насъ не замѣчали—и вдругъ, замѣтивъ, въ одинъ моментъ, нырнули и скрылись подъ водой.

«Вотъ такъ афронтъ»,—подумали мы и тоже срочно погрузились.

Досадно вышло, но надо сознаться не неожиданно. И справедливо!

Покамѣстъ будешь провѣрять правильность сигнала, удостовѣришься, что это свой,—за это время хитрый противникъ 10 разъ успѣетъ выпустить мину.—Лучше ужъ восполь-

зоваться своимъ главнымъ преимуществомъ и изъ-подъ воды въ перископъ разглядывать, что это за штука.

Разобравшись основательно, мы вскорѣ вынырнули къ нашему общему сожалѣнію, т. к. наверху успѣла разойтись волна, которая качала лодку и обливала на мостикѣ.

Внизу по случаю качки, на столъ надѣли такъ называемую «скрипку»—доску съ дырками, между которыми деревянными колышками заклинивалась посуда. Впрочемъ это приспособленіе не помогало, когда, при особенно большомъ размахѣ лодки, супъ выливался на колѣни. Интересно было наблюдать, какъ за обѣдомъ кто-нибудь тщетно ловилъ ртомъ ложку. Вотъ, казалось онъ, проглотитъ содержимое, какъ вдругъ тѣло его откачивалось, и ложкѣ приходилось вновь продѣлывать то же путешествіе.—Впрочемъ, всякій знаетъ, что такое качка на морѣ, и если онъ ее не испыталъ, то, по всей вѣроятности, знакомъ съ ней по разсказамъ.

А было обидно! Сегодня Суворовъ—нашъ поваръ,—приготовилъ мои любимые консервы. Какъ вспомню—молодчина былъ этотъ Суворовъ! Иногда—по вечерамъ я заставалъ его сидящимъ на табуретѣ у своей электрической плиты за чтеніемъ толстенькой книжки:—«Подарокъ молодымъ хозяйкамъ».

Онъ старательно ее прочитывалъ и на другой день поражалъ насъ какимъ-нибудь салатомъ. Въ точности выполняя написанное, онъ въ одной тарелкѣ подавалъ одинъ салатъ, а рядомъ съ нимъ ставилъ крошенныя яйца въ крутую. Это былъ «салатъ съ яйцами».

Онъ же былъ и командным кокомъ, онъ-же завѣдывалъ и миннымъ аппаратомъ. По тревогѣ бросалъ всѣ свои супы и опрометью бѣжалъ произвести выстрѣлъ миною.

И несмотря на свои многообразныя и хлопотливыя обязанности, Суворовъ никогда не жаловался на усталость, всегда былъ веселъ и бодръ.

Во время качки—самое лучшее лечь въ койку и тамъ, упершись руками и ногами, дремать и чувствовать себя наверху блаженства ужъ потому, что—ты не наверху и тебя не мочитъ набѣгающая волна.

Хотя мы еще и не окончили своего пути, но все-же какъ пріятно дремлется при сознаніи, что самое трудное выполнено, а Провидѣніе, и на этотъ разъ, помогло намъ своимъ благосклоннымъ участіемъ.

Погруженіе подводной лодки. Приведеніе въ подводное положеніе.

Но все-же намъ суждено было еще поволноваться.

Конечно, мы опять уклонились отъ новаго «Фрица»,— нѣмецкой подводной лодки, сторожившей насъ на своемъ

обычномъ посту. Мы этого ожидали и потому, свободно уклонившись отъ атаки, лишь пожалѣли его: «Бѣдный,—вотъ ужъ третій годъ на эфтомъ самомъ мѣстѣ дежуритъ упорный нѣмчура и хоть-бы что!»—Конечно, онъ насъ подстерегалъ находясь подъ водой, тогда какъ мы шли въ полномъ надводномъ положеніи. Гоняться за перископомъ?—Безцѣльное и пустое занятіе: онъ нырнетъ на глубину, и мы только даромъ потеряемъ время. Богъ съ нимъ!

Черезъ нѣсколько времени, подходя къ своимъ берегамъ, увидѣли дымъ и насторожились. По всей вѣроятности,—это нашъ миноносецъ, который долженъ былъ насъ встрѣтить.

Было раннее утро, и солнце сбоку бросало косые лучи. Однако, видимъ, что это не одинъ миноносецъ, а цѣлыхъ три, и всѣ они идутъ въ строѣ кильватера прямо на насъ. Благодаря рефракціи, дѣлающей чудеса, не можемъ распознать типа миноносцевъ и въ душу начинаетъ закрадываться сомнѣніе. Вотъ ихъ будто ужъ не три, а всего только одинъ и страшно высокій. То вдругъ миноносецъ сдѣлается совсѣмъ маленькимъ, далекимъ и повиснетъ въ воздухѣ надъ горизонтомъ.

Что за чудеса?

Показываемъ ему свои позывные. Онъ въ отвѣтъ намъ подымаетъ какія-то сигнальныя сочетанія, которыя мы съ трудомъ разбираемъ и, разобравши, лѣземъ въ книгу, чтобы тамъ узнать его названіе. Но такого сочетанія вовсе нѣтъ! Странно. Миноносецъ уже близко, продолжаетъ идти полнымъ ходомъ и даетъ три свистка: предлагаетъ намъ остановиться.

Три свистка,—«остановиться». Это сигналъ, знакомый всему свѣту, и если это нѣмецъ, то онъ, конечно, также можетъ дать его намъ, и это еще не резонъ, что бы исполнять его просьбу. Становится совсѣмъ подозрительно. Что за странное поведеніе этого джентельмена? По этому случаю дѣлаемъ всѣ приготовленія къ погруженію,—мигъ—и насъ не будетъ на поверхности,—послѣдній походъ научилъ насъ осторожности. Смотримъ во всѣ глаза и все-же не можемъ различить:—нашъ это или чужой?

На грани безопасности ныряемъ подъ воду, предпочитая любоваться незнакомцемъ въ перископъ.

Погруженіе подводной лодки. Боевое положеніе.

Миноносцы—это заклятые враги лодокъ: юркіе, быстроходные и мелко-сидящіе. Стоитъ только зазѣваться, какъ онъ уже наскочитъ съ явнымъ намѣреніемъ разрѣзать. Такъ и было съ одной нѣмецкой лодкой, пытавшейся атаковать нашъ

большой корабль и не обратившей вниманія на бывшій тутъ-же нашъ миноносецъ. И мины не успѣешь выпустить; да и не къ чему тратить на него мину:—онъ или увернется отъ нея, или послѣдняя пройдетъ подъ нимъ, не причинивъ никакого вреда.

Нырнули мы подъ воду—и смотримъ. Наконецъ, разобрали: миноносецъ оказался нашимъ. Озадаченный такимъ поведеніемъ лодки, онъ остановился въ недоумѣніи.—«Наша лодка то наша,—думалось намъ, разсуждалъ онъ,—а вдругъ выпуститъ мину?» Но мы ужъ окончательно признавъ его, благодаря тому, что онъ вышелъ изъ неудачнаго для насъ освѣщенія, всплыли и, приблизившись, вступили въ переговоры. Потомъ, встрѣчаясь на берегу съ офицерами миноносца, мы весело вспоминали этотъ комическій эпизодъ, хотя и не думали упрекать другъ друга въ излишней осторожности, потому что на войнѣ и, особенно въ морѣ, таковой быть не можетъ.

«Да, думалось мнѣ,—это не прежнія войны, когда враги на парусныхъ корабляхъ, по нѣсколько часовъ лавировали другъ передъ другомъ, чтобы имѣть возможность вступить въ бой». «Святыя времена», хочется назвать отошедшія въ область преданія старыя, безхитростныя и откровенныя баталіи.

Встрѣча съ миноносцемъ была нашей послѣдней тревогой. Далѣе въ своихъ водахъ мы были почти въ полной безопасности. Я говорю «почти» въ полной: дѣло въ томъ, что и тутъ, у себя дома, есть злѣйшіе и препротивные враги—это оторвавшіяся и плавающія мины загражденія. Сорвавшись со своихъ якорей, онѣ перемѣщаются по поверхности моря, повинуясь волѣ вѣтра и теченія. Замѣтить такую мину ночью,—дѣло невозможное. И потому, чтобы избѣжать всякихъ волненій, мы нырнули подъ воду и продолжали путь на глубинѣ 50 футъ.

Всѣмъ спалось сладко, въ предвкушеніи проснуться завтра въ своемъ родномъ пристанищѣ.

10. У «нейтральной» зоны.

Вотъ мы и опять въ морѣ.

Идти по шхерамъ въ хорошую погоду—одно удовольствіе. Между островами не качаетъ даже тогда, когда въ открытомъ морѣ бушуютъ стихіи.

Отъ островка къ островку, то корридоромъ, то просторнымъ бассейномъ, подвигаемся, любуясь видами финской природы. Идемъ, какъ въ мирной обстановкѣ: всѣ люки открыты и команда, примостившись на верхней палубѣ, тоже благодушествуетъ и, видимо, охвачена разлитымъ вокругъ спокойствіемъ. Покуривая свои цигарки, она ведетъ бесѣды, большею частью созерцая окружающее съ дѣловой точки зрѣнія. Нѣкоторые идутъ шхерами первый разъ. Ихъ занимаетъ финское благоустройство, столь рѣзко отличающееся отъ родныхъ деревень. Впрочемъ, практическій умъ ихъ не одобряетъ землю, этого источника богатства всякаго крестьянина.

Въ смыслѣ навигаціи, шхеры требуютъ знаній и большого опыта. При нынѣшней быстроходности судовъ военнаго флота нуженъ солидный опытъ для того, чтобы во всякую погоду сумѣть оріентироваться среди безчисленныхъ острововъ и найти нужное направленіе. А шхеры не терпятъ ошибокъ и въ такомъ случаѣ умѣютъ показывать зубы:—глядишь оплошавшій корабль или сѣлъ на мель, или острымъ камнемъ распоролъ себѣ днище.

Покойный адмиралъ Эссенъ первый создалъ среди морскихъ офицеровъ настоящихъ знатоковъ шхернаго плаванія. Теперь постоянно любуешься, какъ среди шхеръ миноносецъ, не смущаясь своимъ быстрымъ ходомъ, безъ всякихъ сомнѣній и во всякую погоду, увѣренно и лихо поглощаетъ пространство. Кромѣ того шхеры важны въ стратегическомъ отношеніи: онѣ представляютъ изъ себя путь, великолѣпно укрытый отъ взоровъ непріятеля.

Но вотъ мы уже въ открытомъ морѣ, и передъ нами, далеко во мглѣ, виднѣются высокія и зубчатыя очертанія шведскаго берега. Подъ нимъ то и прячутся нѣмецкіе паро-

ходы, въ случаѣ опасности быстро укрываясь подъ защиту нейтральнаго берега, воды котораго на разстояніи трехъ миль ($5^1/_4$ верстъ), по международному правилу, считаются неприкосновенными.

Выполненіе всѣхъ этихъ условій является немалой задачей для лодки. Надо нѣмца накрыть не только внѣ этой полосы, но и гнаться за нимъ, не переступая этой «умственной» линіи. Поэтому, каждый моментъ надо особенно точно знать свое мѣсто и тщательно вести прокладку. Въ открытомъ морѣ, въ этомъ отношеніи, куда проще.

Но мы уже достаточно приблизились и надо нырять подъ воду,—на горизонтѣ показался дымъ, а внезапность прежде всего.

Смотримъ въ перископъ. Ночь свѣтлая,—видно, какъ днемъ: іюнь мѣсяцъ, да и широта порядочная.

Выясняется, что это большой трехмачтовый парусникъ,—его высокія мачты съ парусами мы первоначально приняли за дымъ. Проходимъ отъ него совсѣмъ близко. Вѣтеръ небольшой, и мы расходимся медленно. На борту виденъ задумчиво свѣтящій зеленый огонь, ходятъ люди по палубѣ, которая, благодаря парусамъ, наклонена къ намъ и потому не закрыта отъ нашихъ взоровъ. Двое, стоя на розмахахъ помпы, лѣниво откачиваютъ изъ трюма воду. Имѣются и марки, намалеванныя на борту.

Онъ насъ, конечно, не замѣчаетъ,—да ему и не къ чему быть особенно бдительнымъ,—вѣдь онъ «нейтральный». Зачѣмъ ему портить свое зрѣніе, отыскивая безразличный для него перископъ?

Мнѣ всегда было пріятно разсматривать въ перископъ близко проходящія суда. Охватываетъ какое-то волненіе и странное удовлетвореніе: «вотъ ты меня не видишь и даже не подозрѣваешь о моей близости, а я любуюсь тобой, сколько хочу». Иногда возникала настойчивая мысль, что онъ насъ тоже видитъ,—ужъ очень страннымъ казалась его слѣпота. Я думаю, съ такимъ-же чувствомъ завзятый охотникъ крадется къ токующему глухарю.

Потерявъ изъ вида парусникъ, только что хотѣли всплывать, какъ опять впереди по курсу увидѣли новый дымъ.

«Ничего не сдѣлаешь»,—сказалъ я себѣ, пряча папиросу въ портсигаръ и засовывая за щеку изрядную порцію табаку.

«Это купецъ и здорово жирный»,—кричу внизъ командиру.

«Купецъ, купецъ», пронеслось по лодкѣ и всѣ, несмотря на два часа ночи, мигомъ вскочили, отряхнулись отъ сна и безъ всякой команды встали на свои мѣста. Охватило знакомое волненіе.

Неудержимое любопытство влекло офицеровъ къ перископу,—всѣмъ хотѣлось взглянуть на «жирнаго» купца. Взглянувъ въ перископъ послѣдній разъ, и я всталъ на свое мѣсто,—теперь все въ рукахъ командира.

«Штурманъ, въ скольких мы миляхъ?» спрашиваетъ командиръ.—«Въ пяти»—отвѣчаетъ тотъ.

Этотъ отвѣтъ, при наступившей тишинѣ, на подобіе электрической искры пробѣгаетъ по лодкѣ. Проходятъ мгновенія. Чувствуется, что пароходъ гдѣ-то тутъ близко.

«Всплывай! комендоры, къ орудіямъ».

Моментъ—и грохнула пушка. Я остаюсь на мѣстѣ, чтобы удержать команду, желающую посмотрѣть, что дѣлается наверху. Покончивъ внизу, выхожу наверхъ подъ аккомпаниментъ пушечныхъ выстрѣловъ.

«Самый полный ходъ», приказываетъ командиръ,—удиратъ каналья!»

Развиваемъ самый полный ходъ и во всю долбимъ пароходъ пушечными снарядами. Поднятаго нами сигнала онъ, повидимому, не замѣчаетъ.

«Успѣемъ-ли мы догнать его до нейтральныхъ водъ или онъ удеретъ?»—вотъ вопросъ въ головѣ каждаго.

Купчина медленно ползетъ къ берегу, и мы его замѣтно нагоняемъ.

Видны разрывы нашихъ снарядовъ. Хватитъ-ли у него нервовъ выдержать нашу канонаду? Если хватитъ, то ему удастся войти въ нейтральныя воды, и онъ спасенъ, если-же нѣтъ—то онъ погибъ.

«Ура! его нервы не выдержали». Купецъ застопорилъ машину, и на кормѣ у него взвился нѣмецкій флагъ. Все-же, не довѣряя ему, мы хотя и прекращаемъ пальбу, но пушки и минные аппараты держимъ наведенными на него,—такъ, на случай предательства съ его стороны, а также и для того, чтобы онъ не пытался уйти. На пароходѣ это замѣчаютъ—и потому торопятся и суетятся. Спуская шлюпку, уронили ее за бортъ,—очевидно нашъ снарядъ перебилъ тали, чего въ суматохѣ не замѣтили.

Опять въ рупоръ зычно требую капитана и предлагаю ему захватить съ собой кромѣ картъ еще и бинокли,—наши уже успѣли запотѣть.

Черезъ нѣсколько времени высаживаемъ на лодку капитана, а остальныхъ отпускаемъ съ миромъ.

Пущена мина—пароходъ, тяжело груженый желѣзной рудой, черезъ 55 секундъ идетъ ко дну. Оставшаяся его команда быстро удаляется къ берегу. Намъ же отъ него надо уходить,—вся эпопея, конечно, оттуда была видна.

Когда все успокоилось, мы подвели плѣннаго капитана къ картѣ и, указывая ему мѣсто потопленія, сказали: «фиръ миль». Сначала онъ пробовалъ оспаривать это, но потомъ согласился, и даже съ улыбкой на лицѣ поддакивалъ намъ.

Опять идемъ подъ водой. Навѣрное будетъ слѣжка. Отпущенная нами команда парохода черезъ какой-нибудь часъ доберется до берега и, конечно, наши дѣянія станутъ быстро извѣстны.

«Эхъ, думаю я, зачѣмъ мы не отобрали отъ нихъ веселъ. Все равно попутный вѣтеръ пригналъ-бы ихъ къ берегу, но съ той только разницей, что на это путешествіе имъ потребовалось-бы не одинъ часъ, а четыре. А за это время мы, двигаясь дальше, по пути успѣли-бы поймать еще не одинъ пароходъ»!

Идемъ подъ водой на новое мѣсто. Командиръ, офицеры и команда довольны первой удачей. Не даромъ же мы прозвали нашу лодку «грозой морей».

Молодой мичманъ отзываетъ меня въ сторону и что-то шепчетъ мнѣ.

Оказывается у него предусмотрительно и по секрету отъ всѣхъ «на всякій случай» припасена бутылка шампанскаго.

Дѣлать нечего, разливаемъ по бокаламъ «храброе французское вино» и, чокаясь, поздравляемъ другъ друга съ успѣхомъ. Особенно намъ нравится то, что это происходитъ въ 3-мъ часу ночи и при необычной обстановкѣ.

«Во всякомъ случаѣ заручка есть!»

Черезъ 4—5 часовъ, идя подъ водой, увидѣли шведскую канонерскую лодку.

Очевидно, уже зная о потопленіи нѣмца, она, выполняя лишь номеръ, вышла оберегать территоріальныя воды. Мы разошлись съ ней незамѣченными.

Море пусто. Коротаемъ часы. Обидно, что изъ-за свѣтлыхъ ночей, мы принуждены большую часть времени проводить подъ водой. Въ лодкѣ становится трудно дышать,—сказывается 17-ти часовой подводный ходъ. Испорченный воздухъ особенно замѣтенъ въ рубкѣ, куда, какъ въ колоколъ, собираются испаренія человѣческихъ тѣлъ и пары сѣрной кислоты.

Небольшія усилія вызываютъ учащенное дыханіе. Чтобы дать отдыхъ глазамъ поочередно смотрю въ перископъ сперва однимъ, а потомъ другимъ глазомъ. Эта мѣра необходима, иначе, дѣйствуя только однимъ, глазъ можно окончательно испортить.

Двигаемся медленно. Находитъ туманъ. Онъ то расходится, то сгущается до непроницаемости,—явленіе, хотя и обычное, но все-же дѣйствуетъ на нервы.

Но вотъ туманъ немного разошелся, и въ перископъ мы увидѣли пароходъ, идущій вдоль берега, на пересѣчку намъ. Надо съ нимъ сблизиться и его осмотрѣть. Можетъ быть, преслѣдуя коммерческія цѣли, нѣмецъ пренебрегъ опасностью и, пользуясь туманомъ, думаетъ проскочить.

Идемъ на сближеніе. Правда, нѣсколько мглисто, но все-же видно,—туманъ какъ разъ немного порѣдѣлъ.

Стали всѣ по мѣстамъ, командиръ у перископа. Наконецъ-то маленькое разнообразіе почти за цѣлыя сутки!

Лодка полна безмолвнымъ ожиданіемъ; слышенъ только слабый шумъ вращающихся электромоторовъ, да дѣйствіе горизонтальныхъ рулей.

«Полный ходъ, ныряй 60 футъ!»—раздается вдругъ рѣзкая и повелительная команда.

Въ тонѣ голоса чувствуется легкая тревога. Я недоумѣваю. «Что-бы это значило»?—Очевидно, намъ приходится нырять подъ пароходъ. Но почему? Вѣдь мы отъ него, какъ и всегда, держались въ сторонѣ.

«Неужели»... мелькаютъ у меня въ головѣ догадки. Но раздумывать некогда, сверху все повелительнѣе и настойчивѣе раздавалась та-же команда.

Вотъ лодка медленно клюетъ, носъ ея спускается, что видно по уровню, и она идетъ на глубину.

«Двадцать пять футъ, смотрю я по глубомѣру, 29», ...и вдругъ весь корпусъ дрогнулъ,—что-то наверху и внѣ лодки крякнуло и какъ будто сломалось. Отъ толчка сверху лодка моментально оказалась на 44 футахъ. Ясно: насъ задѣлъ пароходъ, и, къ счастью, пострадали лишь перископы.

Изъ сломаннаго перископа каскадомъ хлынула вода. Продули систерны и быстро всплыли. Хотимъ открыть люкъ,—но увы,—онъ не открывается. Въ иллюминаторы колпака видно, что сбитые перископы придавили его собою.

Выбраться наверхъ можно только черезъ концевые люки, но и они закрыты листомъ, запирающимся сверху.

Положеніе не изъ пріятныхъ.

«Въ послѣдній моментъ пароходъ, а это былъ шведъ, я ясно видѣлъ на его борту марки, очевидно, замѣтивъ перископъ, повернулъ на насъ»! — говоритъ съ негодованіемъ командиръ.

Однако надо во что бы то ни стало выбраться наверхъ. Наши перископы сломаны, и мы можемъ наблюдать лишь въ маленькіе иллюминаторы, дающіе незначительный кругозоръ.

«Если это такой подлецъ,—разсуждали мы,—то увидя насъ всплывшими, да еще со сломанными перископами, онъ пойметъ, что мы слѣпы и, учтя это обстоятельство, пожалуй

вздумаетъ таранить насъ еще разъ. И на этотъ разъ таранный ударъ будетъ смертельнымъ».

Но вотъ, наконецъ, сломавъ листъ, мы открыли кормовой люкъ и выбрались наверхъ.

Густой туманъ скрывалъ насъ и оберегалъ отъ вѣроломнаго нападенія «нейтральнаго» парохода.

Мы живы. Исправивъ поврежденія, «Волчица» опять придетъ сюда и въ слѣдующій разъ не поцеремонится: — при

Согнутый перископъ.

малѣйшей подобной попыткѣ со стороны «нейтральнаго», она пуститъ его ко дну безъ всякаго предупрежденія.

Придя въ Швецію добрый капитанъ, можетъ-быть, будетъ хвастаться передъ своими соотечественниками, что ему удалось потопить русскую лодку. Или онъ, можетъ быть, разсчитываетъ получить за это отъ нѣмцевъ денежную признательность?—И это возможно.

Закипѣла работа. Освобождали заваленный люкъ. Слышенъ былъ гудокъ удалявшагося въ туманѣ парохода.

«Ваше благородіе, какъ же это такъ?—вѣдь мы его не трогали, и это-же шведъ, а не нѣмецъ?» негодовала команда. Въ отвѣтъ я только пожималъ плечами.—Какъ мы докажемъ, что это не случайность?

Поврежденіе ликвидировано, дыра перископа кое-какъ забита деревомъ, но... мы потеряли способность погружаться. А до дому не одна сотня миль. Встрѣча съ врагомъ и въ особенности съ миноносцами, которые тутъ часто шляются, можетъ быть для насъ роковой. Мы лишились нашего главнаго козыря, нашего незамѣнимаго преимущества. Остается одно: вступать съ врагомъ въ неравный бой.

Туманъ, столь ненавистный для мореплавателей, на этотъ разъ сыгралъ для насъ спасительную роль. Сама природа насъ охраняла.

Давъ полный ходъ, мы пошли къ своимъ берегамъ.

Плаваніе мы окончили благополучно и вернулись въ портъ невредимыми.

«Коль повезетъ, такъ повезетъ до конца». Я говорю эту фразу потому, что за этотъ-же походъ съ нами случился инцидентъ, вновь доказывающій благосклонность судьбы къ «Волчицѣ».

Мы налетѣли на подводную нѣмецкую мину, и она не взорвалась. Почему? «Потому, что намъ везетъ», хочется мнѣ отвѣтить. На 1000 минъ приходится одна неисправная и вотъ, повидимому, намъ попалась именно такая.

На слѣдующій день спеціальныя суда въ этомъ мѣстѣ обнаружили еще нѣсколько минъ, по всей вѣроятности, передъ тѣмъ въ ночь поставленныхъ непріятелемъ.

И такъ какъ всѣ онѣ оказались на фарватерѣ, то наше счастіе сберегло не только насъ, но и спасло отъ возможной непріятности многихъ нашихъ товарищей.

Это произошло на моей вахтѣ, рано утромъ, вдали отъ берега: вдругъ я почувствовалъ ударъ въ днище лодки; ударъ былъ несильный, но необычный. Ухо, привыкшее ко всѣмъ домашнимъ звукамъ, въ этомъ уловило что-то странное.

Остановивъ машины, я увидѣлъ за кормой круглую мину загражденія. Она, показываясь изъ-за набѣгавшей волны,

кокетливо открывалась, обнаруживая свои колпаки—рожки, два изъ которыхъ были смяты.

Наверхъ выбѣжалъ командиръ и справился о причинѣ остановки машинъ.

Я ему молча указалъ на мину,—жестъ мой былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Мы посмотрѣли другъ на друга, улыбнулись, и командиръ сказалъ:—«Что-жъ, пойдемъ дальше».

Я далъ машинамъ ходъ.

Смѣнившись съ вахты, зашелъ въ каюту мичмана—нашей «мамаши»,—такъ у насъ называются офицеры, завѣдующіе столомъ каютъ-компаніи. Онъ спалъ.

Я разбудилъ его и разсказалъ о случаѣ на моей вахтѣ. «Ты всегда любишь сообщить что-нибудь ошеломляющее»,—сказалъ онъ, сладко потягиваясь на своей койкѣ, повернулся на другой бокъ и... снова безмятежно уснулъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

МОРСКОГО ВѢДОМСТВА

(Петроградъ. Дворцовый проѣздъ, Главное Адмиралтейство)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

Багровъ, Л. Очерки войны на морѣ съ 20/XI по 31/XII 1915 г. 1916. Ц. 75 к.; съ 1/I по 1/II 1916 г. 1916. Ц. 75 к.

Бой въ Сѣверномъ морѣ. 31/V—1/VI. н. ст. 1916 г. (Офиціальныя и офиціозныя сообщенія обѣихъ сторонъ). 1916 г. Ц. 1 р.

Врангель, бар. Вице-адмиралъ С. О. Макаровъ. Біограф. очеркъ. Ч. I. 1911. Ц. 50 к. Ч. II. 1914. Ц. 1 р.

Дубасовъ, Ѳ. На фрегатѣ «Владиміръ Мономахъ» (1889—1891). Сообщ. И. М. Діомидовъ. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Житковъ. Исторія Русскаго флота. Періодъ Петровскій. 1912. Ц. 1 р. 30 к.

— Вице-адмиралъ И. Ф. Лихачевъ и его работа «Служба Генеральнаго Штаба во флотѣ». 1912. Ц. 1 р.

— Свѣтлой памяти В. К. Константина Николаевича. 1912. Ц. 1 р.

— Свѣтлой памяти С. О. Макарова. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

— Адмиралъ Н. О. фонъ-Эссенъ. 1915. Ц. 60 к.

Квашнинъ-Самаринъ. Военно-морская идея въ Русскомъ государствѣ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Кладо. Очерки міровой войны 1914 и 1915 г.г. Выпуски 3, 4, 6, 7, и 8. Ц. по 75 к.—выпускъ. Выпускъ 5. Ц. 50 к. Выпуски 1 и 2—распроданы.

Лихачевъ, в.-адм. Въ Севастополѣ—50 лѣтъ тому назадъ и др. 1913. Ц. 25 к.

Метакса. Записки флота капитанъ-лейтенанта. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Міровая война. 1914. Ц. 75 к.

Новицкій, В. Морской бой 18-го мая у береговъ Ютландіи. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Новицкій, В. Очерки міровой войны на морѣ съ 1/II по 20/III 1916 г 1916. Ц. 75 к.; съ 21/III по 20/V 1916 г. 1916. Ц. 75 к.; съ 21/V по 20/VI 1916 г. 1916. Ц. 75 к.; съ 21/VI по 20/VII 1916 г. 1916. Ц 75 к.; съ 21/VII по 20/VIII 1916 г. 1916. Ц. 75 к.; съ 21/VIII по 20/IX 1916 г. 1916. Ц. 75 к.; съ 21/IX по 20/X 1916 г. 1916. Ц. 75 к.; съ 21/X по 20/XI 1916 г. Ц. 75 к.

Отчетъ по дѣлу о сдачѣ 15 мая 1905 г. непріятелю судовъ отряда бывшаго адмирала Небогатова. 1907. Ц. 1 р. 65 к.

Очерки міровой войны на морѣ: 9 и 10 мѣсяцы. 1915. Ц. 75 к.; 11 и 12 мѣсяцы. 1915. Ц. 75 к.; 13 и 14 мѣсяцы. 1915. Ц. 75 к.; 15 и 16 мѣсяцы. 1915. Ц. 75 к.

Штенцель, А. Исторія войны на морѣ въ ея важн. проявленіяхъ съ точки зрѣнія морск. тактики. Подъ ред. Н. Кладо. ч. I. 1916. Ц. 3 р.; ч. V съ 1850 г. по 1910. 1916. Ц. 4 р. 50 к.

Совѣты военнаго человѣка сыну своему. 1912. Ц. 70 к.

Старокадомскій. Открытіе новыхъ земель въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. 1915. Ц. 1 р.

— Черезъ Ледовитый океанъ изъ Владивостока въ Архангельскъ. Съ фот. снимк. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Старый механикъ. Изъ воспоминаній о Г. И. Бутаковѣ. 1913. Ц. 15 к.

Портреты адмираловъ Русскаго флота: В. К. Константина Николаевича, Бутакова, Дубасова, кн. Ливена, Лихачева, Макарова, фонъ-Эссена, короля греческаго Георга. Ц. по 15 к.— портретъ.

Портретъ б. Морского Министра И. К. Григоровича. Ц. 75 коп.

Кн. Ливенъ. Духъ и дисциплина въ нашемъ флотѣ. 1914 Ц. 1 р.

Россійскій флотъ (Альбомъ). II. 1916 г. Ц. 10 р.

Жерве. Германія и ея морская сила. 1914. Ц. 1 р. 25 к.

Силуэты судовъ флота Австро-Венгріи. 1914. Ц. 25 к

Силуэты судовъ флотовъ Балканскихъ государствъ. 1914. Ц. 25 к.

Силуэты судовъ флота Германіи и Швеціи. 1914. Ц. 30 к.

Симоновъ. Современная оборона морской границы и десантныя операціи. 1915. Ц. 1 р.

Соболевъ. Очерки призового права. 1915. Ц. 1 р.

— О правѣ войны на морѣ и морскомъ нейтралитетѣ. 1915. Ц. 1 р.

Спѣшневъ. Операціи по спасанію судовъ. 1915. Ц. 50 к.

Именной Указъ о примѣненіи правилъ морской войны. 1914. Ц. 30 к.

Положеніе о морскихъ призахъ. 1914 Ц. 30 к.

Уставъ о караулахъ на военныхъ судахъ. Ц. 30 к.

Военно-морской дисциплинарный уставъ 1917 г. Ц. 75 к.

Муравьевъ, Л. Радіотелеграфное дѣло. Курсъ класса телеграфн. унтеръ-офиц. 2-е, испр. изд. 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.

Холоднякъ, А. Краткія свѣдѣнія, необход. для офиц. флота по письмов., дѣлопроизвод. въ судѣ, о представл. начальн. и пр. 1916 г. Ц. 75 к.

Съ заказами обращаться въ Книжный Складъ Морского Вѣдомства (Петроградъ. Главное Адмиралтейство. Дворцовый проѣздъ. Телеф. 683—26).